

Александр «Боб» Борисов

ПРАВОЕ УХО

Монологи людей, родившихся в СССР

**ВНИМАНИЕ
НЕНОРМАТИВНАЯ
ЛЕКСИКА**

Александр «Боб» Борисов

ПРАВОЕ УХО

Монологи людей, родившихся в СССР

Издательство «САМ.ПИЗ»
2018

Внимание! В тексте присутствует ненормативная лексика.

Фото на обложке Анны Диденко

Использованы цитаты из книги Сергея Хазова-Кассиа «Другое детство»

Борисов А. В.

Правое ухо : Монологи людей, родившихся в СССР / Александр Борисов. — Мурманск : САМ.ПИЗ, 2018. — 48 с.

© А. В. Борисов, текст, 2018

© А. В. Диденко, фото, 2018

© С. А. Хазов-Кассиа, цитаты из книги «Другое детство», 2014

⌘ Издательство «Самиздат Пиздат», оформление, вёрстка, 2018

Огромное спасибо всем, кто нашёл в себе силы рассказать свою историю жизни.

Валентина Лихошва и все-все из Региональной инициативной группы «Максимум» — низкий поклон! Без вас бы это издание не состоялось.

Анна Диденко — благодарю за фото, помощь и многое другое.

Максим Югов и Вера — спасибо за солидарность и поддержку.

Александр «Боб» Борисов
Февраль 2018 года

Голой ногой я чувствовал бедро Боксёра под семейными трусами — оно было тёплым и мягким... Все мои мускулы напряглись, ни один не шевелился, я даже дышать старался неслышно. Меня разрывало изнутри, и эта буря была тем сильнее и разрушительнее, чем больше я боялся пошелохнуться. Это было мучительно и приятно... Казалось, что если я лягу на него сверху, а он обнимет меня, то я просто растворюсь в нём...

*Сергей Хазов-Кассиа
«Другое детство»*

Имя: Сергей

Год рождения: 1980

Место рождения: СССР, город Ленинград

Когда мне было лет 8-9, я начал интересоваться вопросами секса: откуда берутся дети и всё такое. Был миф, что все проститутки отличаются тем, что носят гипс на левой ноге. Уже тогда было понятно, что существуют геи и что они непременно носят серёжку в правом ухе, но это было какое-то отвлечённое знание, которое я, правда, получил уже в начальных классах школы. А серьёзно об этом я стал задумываться, когда на себе это почувствовал, когда начал размышлять про сексуальное обучение, но это было уже в начале 90-х, когда мне было 12-13 лет и Советский Союз рухнул.

А информации никакой не было. Всю информацию мы получали от ровесников из школы или друзей по даче. Это были какие-то разговоры, типа, что пидоры есть и это плохо. Шутки и анекдоты. Но большинство о них не знало, где они и, вообще, кто это — какие-то люди непонятные и мифические. Слово «голубой», кстати, существовало всегда, и во времена моего детства тоже, но сначала никто не понимал, что это такое. То есть не было такой глубокой ненависти, потому что невозможно ненавидеть то, что непонятно. Но это было смешно, забавно, анекдотично.

В себе я начал копать лет в 14-15, когда начал активную сексуальную жизнь, то есть мастурбацию. В это время ты думаешь: «Блин, это как-то неправильно, наверное». Потому и сама мастурбация становится проблемой, потому что это нельзя и плохо. Но с другой стороны, ты понимаешь, что это у тебя в голове и потом всё пройдет. И ты никак это не проецируешь на реальную жизнь, ты не думаешь, что вот надо бы заняться сексом, найти там парня какого-то и прочее. Это, вообще, из области фантастики какой-то.

У меня были одноклассники, с которыми мы в открытую не дружили, потому что меня все обижали и гнобили в школе и со мной дружить было зашкварно. Но почему-то они все собирались у меня дома, два-три мальчика, и мы с ними играли в какие-то игры, типа, снимали трусы и тёрлись членами, уже всё было развито, но сложно было назвать это сексом. Потом у меня был мальчик, тоже одноклассник, Миша, это уже были старшие классы. Мне было лет шестнадцать, это, наверное, восьмой класс был, с ним мы уже пытались делать минет друг другу. Это было очень смешно, потому что, во-первых, это было как-то грязно — член в рот брать, мы его мыли по десять раз, типа: «Сходи ещё раз помой!», в общем, мылом там всё намывали. А во-вторых, это был очень странный опыт, потому что это не было приятно, ты же не умеешь ничего делать, и не очень-то понимаешь как надо. И потом, я помню, что он кончил, потому что он додрочил себя, а мне было это странно, потому что ещё казалось, что дрочить плохо. Вроде как сосать другому парню член — нормально, а кончить оттого, что ты себе дрочишь — нет, потому что мама сказала, что нельзя так делать. Я помню, что он ушёл, и я завершил всё это один. А потом уже контакт произошёл в институте.

От СССР у меня прекрасные ощущения, потому что в 80-е годы мы жили очень хорошо. Мы жили в Ленинграде, у меня бабушка зарабатывала очень большие деньги, мама тоже работала, у нас была большая квартира, дача, мы ели в ресторанах. Потом, когда начались 90-е, бабушка ушла на пенсию, мама второй раз развелась, денег совсем не стало, и мы голодали. Вот этот перепад между детством и юношеством я помню очень хорошо, потому что это было сытое время и голодное время.

Мне мама подарила книжку «Секс для подростков». Там было всё написано про гетеросексуальных, разумеется, подростков. Основная тема была такая, что нужно начинать заниматься сексом как можно позже, потому что чем позже начнёшь, тем позже закончишь. То есть если начинать в четырнадцать лет, грубо говоря, ебаться, то к сорока годам будешь уже импотентом, тебя бросит твоя жена, потому что жене нужен секс, и она с тобой жить не будет. И то же самое про мастурбацию. Потому что у мужчины отмерено на его жизнь определённое количество половых актов, и если ты все их израсходуешь раньше, то на потом не останется. Также там рассказывалось, откуда берутся дети, как ввести половой член во влагалище. Вот эти все термины медицинские. Мне было тогда противно про это читать. Вот это как раз и был мой источник информации. А все остальные источники информации — это просто знакомые и окружение. Интернета не было, из газет родители выписывали «Известия», «Вечерний Ленинград» и прочее, жёлтую прессу не читали. Но, помню, по телевизору показали сериал. Я потом узнал, что он поставлен был по книге «Tales of the City». Это про Сан-Франциско, высший свет, элита, и там была гей-пара. Я реально подрачивал на этот сериал. При этом максимум,

что они могли показывать в этом сериале, что один другого за ногу трогает в ресторане. Или как они целуются где-то. Вот самый секс был. И вот это было, конечно, мощным источником информации. Я смотрел кино, пока мама где-то на кухне, и думаю, если бы она увидела, она не захотела бы смотреть его. Я понимал, что даже в этом фильме это была запретная тема, и они не могли проявлять свои чувства.

— Артём, я не понимаю, почему ты не хочешь по-другому. Это противно природе — то, что ты делаешь. Это отвратительно и грязно, ты что, не видишь этого? Я всю неделю об этом думала и честно себе пыталась представить себя в такой же ситуации, с женщиной. Но мне каждый раз становилось противно, когда я представляла, что женские руки меня трогают. Это мерзость! — мама снова начала плакать и кричать. — Ты что, не понимаешь, что у меня хорошо развито воображение? Что я всё время представляю, как тебя в жопу трахают?!

Сергей Хазов-Кассиа
«Другое детство»

” *Вопрос с местом для встреч
всегда был очень сложным*

Имя: Александр

Год рождения: 1960

Место рождения: СССР, город Москва

В 12 лет я чётко и ясно сообразил, что мне нравятся мужчины. Это был 1972 год. Просто, в очередной раз онанируя, я сообразил, что я всё время онанирую на картинки с голыми мужиками. И вот тут до меня допёрло. Из всей доступной на тот момент литературы на эту тему была только «Большая Советская энциклопедия», в которой было сказано, что это называется «гомосексуализм». А раз есть термин, значит, я не один такой. Ну, извращение и извращение. А я решил, что раз мне это нравится, значит хорошо. Я знал, что за это полагается уголовное преследование, но когда тебе 13 или 14 лет, то о какой криминализации ты можешь думать? Мне было наплевать. Тем более, что в этот период я нашёл себе друга-одноклассника. Я не могу сказать, что у нас сразу с ним начался детский секс, нет, но, по крайней мере, выяснилось, что нам обоим нравились мальчики. Поскольку он был одноклассником и соседом, само собой, никаких проблем в общении не было, мы встречались с ним, играли. То есть мои школьные годы прошли совершенно, можно сказать, «розовыми в голубом цвете». Потом мой друг уехал. Но Москва — большой город. Разговоры, слухи — в общем, лет в 16-17 я уже знал, что есть места, где встречаются та-

кие же, как мы. Это была плешка — знаменитое место встреч у Большого театра. Первый раз, когда я туда отправился, мне там совершенно не понравилось, потому что я всегда был человеком спокойным, а там уж больно много было манерных парней. Но молодость — время общения, и уже через парутройку месяцев я знал, что в Москве есть много других точек. Они так и назывались — «точки» или «места съёма». Это были либо бани, либо общественные туалеты.

Тогда шли 70-е годы, нас вроде бы и не было, о нас же никто не говорил, поэтому и гонений не было. Раз нет явления, то нет и отторжения. Как-то более или менее всё это воспринималось спокойно. Ну, как спокойно... Когда ты пытаешься осторожно заводить всякие разговоры в обществе, то реакцией было, конечно, неприятие. Ну, типа, «пидорасы»... Но по большей части даже какое-то непонимание. Люди просто не понимали, что есть однополая любовь. С другой стороны, тогда ведь все мы знали уже, что есть такое явление, как «ремонт». Грубо говоря, с тобой встречаются-знакомятся, а потом где-нибудь на встрече дают пизды. Это такие копания гопников, которые ходили по всяким точкам. Правда, я, сколько лет жил, только один раз столкнулся с этим на практике. Больше было разговоров об этом, чем каких-то действий.

Что касается встреч в общественных туалетах. Понятно, что были стукачи. Но, повторюсь, Москва же — город большой. Были такие общественные туалеты, куда ходили только знакомиться. Если туда кто-то приходил по своей надобности, на него вообще смотрели, типа: «Чё ты сюда припёрся?». И в кабинках стояли высокие такие двухметровые двери, полный, так сказать, приват. Дальше можно было, понятно, в гости отправиться, такой экспресс-метод, но вот что было плохо в советские времена, так это то, что не было мест для встреч. Куда пойти? В гостиницу только командировочных

пускали. А жилищные условия тогда были ужас. Все жили, особенно молодые, как я тогда, — с родителями. Квартиру почасовую, как сейчас, тоже не снимешь. Поэтому приходилось выкручиваться. Можно было в некоторых банях на 1-2 часа снять индивидуальный номер с парилкой. Стоило это где-то порядка двух рублей. Это было терпимо для студента или молодого специалиста, учитывая, что стипендия была 40 рублей, а зарплата 130. Вопрос с местом всегда был очень сложным.

Но ещё при жизни Брежнева, а потом и при Андропове, у меня было несколько парней, с которыми я встречался у них дома. И родители знали про гомосексуальность сына и относились к этому спокойно. Даже так, да. Правда, всегда с оговоркой, типа: «Ребят, только глупостей не делайте». Под глупостями подразумевались встречи на улице с чужими людьми. Короче, они просили не светиться. Такое явление тоже было, я с этим сталкивался не раз, родители принимали. Своим родителям я никогда об этом не говорил, но они относились спокойно, я думаю, они прекрасно всё поняли, когда мне было лет восемнадцать. Казалось бы, молодой парень, а звонят только парни, в гости приходят исключительно парни. С некоторыми ребятами, с которыми у меня были более длительные отношения, мои родители даже познакомились, всё было нормально. «Вася, Митя или Петя там, очень приятно и так далее». Но в классическом понимании камин-аута не было. Видимо, нам всем так было удобнее. Со стороны родителей не было никаких разговоров, типа, когда ты девочку заведёшь, когда женишься и т. д. и т. п. То есть нас всех такое положение устраивало.

Интересный факт: я ещё при Брежневе, в 70-х годах, ходил по Москве со значком, где написал «I'm proud to be gay». Я написал, правда, по-шведски. Тогда кроме «ВВС» и «Го-

лоса Америки» в СССР ловило «Радио Швеции» на русском языке, где уже могли даже немножко сказать о стокгольмских прайдах. Был тотальный дефицит информации, но существовали иностранные коммунистические издания. Такие, как английская газета «Morning Star», которую любили все, кто изучал английский язык. Английский коммунисты изображали из себя тогда защитников, и в «Morning Star» время от времени, хотя бы пару раз в месяц, появлялись короткие заметки со словом «gay» в названиях. Для меня это были важные заметки, которые я проглатывал, прочитывал залпом и радовался жизни. Ещё была, не помню названия, коммунистическая шведская газета, и половину номеров цензура всё равно не пропускала. Но даже то, что пропускала — это было открытие! Бывало, что целые полосы были посвящены гей-движению. И эти газеты были не в библиотеках, их можно было купить в киосках. Например, «Morning Star» стоила 12 копеек. Два раза в неделю потратить 12 копеек — это лучше, чем мороженое сожрать, которое стоило, кстати, 19 копеек. В этом смысле проблем не было, информация была, особенно, если её искать и интересоваться.

Полученную извне информацию мы обсуждали. С кем я встречался на точках? С такими же студентами, как и я. И мы не только потрахаться встречались, но и поговорить. Поговорить — это как раз то, что, на мой взгляд, сейчас исчезает. Может быть, потому что тогда мы были все в очень стеснённых условиях. Найти кого-то, встретиться где-то, место найти...

Не было такой лёгкости, что вот сидишь дома, смотришь в смартфоне, через интернет кого-то находишь. Нужно было куда-то пойти, потратить на это время. Подходили друг к другу, знакомились. Надо было выяснить, кто чего хочет, есть ли место, где можем заняться сексом. И пока шли от точки

до места встречи, проходило 30—40 минут, а то и целый час. Пока едешь к себе домой или к нему домой, естественно, всё это время разговариваешь, общаешься. И когда приступаешь к делу, человек уже более-менее знакомый. Честно говоря, тогда было куда меньше прагматизма. Не только среди молодых, но и среди людей постарше многие были ориентированы только на общение и удовольствие. Была заинтересованность в человеческих отношениях, даже если, условно говоря, встретились, потрахались и разбежались, а я не собираюсь лукавить — это же вполне естественно для нас потрахаться и разбежаться.

А что касается 121-й статьи, то разговоров об этом было очень мало. Скажу так, у меня выборка достаточно представительная, количество общения разного огромное. Могу сказать, особое внимание 121-й статье практически не придавалось. Мы, наверное, вели себя действительно правильно. В том смысле, что на нас не обращали внимания. Я думаю, в Москве по этой статье за год забирали человек 50. И в основном это были люди за 30, а то и за 40 лет. То есть, грубо говоря, на молодых внимания вообще не обращали. Бывало, что подошло время завести ещё одно дело по этой статье, вот человека и взяли по доносу. Думаю, что в основном обращали внимание на тех, кого по тем или иным причинам стоило взять.

Естественно, кому надо, те знали о нашем существовании, и я не исключаю, что существовала некая картотека. Как везде в совковом режиме, предполагалось, раз они есть, значит, надо их каким-то образом в картотеку загнать, но никаких последствий это за собой не влекло. Может быть, влекло в тех случаях, когда человека рассматривали как кандидата на какую-нибудь ответственную должность. Мы подозревали, что все мы в картотеках, поэтому многие просто

по жизни сознательно не рыпались, не старались себе карьеру сделать и т. д. Подспудно было такое подозрение, что если начнёшь резко делать карьеру, то тебя в какой-то момент подрежут именно за гомосексуализм. Такая мысль присутствовала. Я не знаю, но на обычном бытовом уровне простым нормальным людям, каких тысячи, вопросов никаких не задавали, хотя, конечно, мы были осторожны, мы же не кричали, мы старались шифроваться, но это шифрование было, скорее, не от товарища майора, а от соседа. Первый гомофобный выпад со стороны власти был в 80-х. Высокие двухметровые двери в туалете срезали. Это наверняка было сделано против нас, но не было никаких репрессий. Встречаетесь и встречайтесь, никаких рейдов. Со стороны власти к нам был полный похуизм.

А потом началась перестройка. Я познакомился с Романом Калининым. Это первый активист в Советском Союзе, который в 1988-м совершил камин-аут, а потом в 1989-м создал первое в СССР ЛГБТ-издание — газету «Тема». Я начал с ними сотрудничать, и конец 80-х прошёл у меня, в каком-то смысле, в общественной занятости. Представьте себе, как нас завалили почтой, когда вся страна узнала, что, оказывается, в Москве есть люди такие же, как они!

Наверное, всё-таки тем людям, которые себя принимают, жить становится легче. Есть больше возможностей себя реализовать. Я не уверен, что нам так уж нужна семья. Я думаю, нам важна не столько семья, сколько дружба долготелная, хотя бы. Но ведь в советские времена ужасал сам факт того, что ты не можешь жить с дорогим человеком. Ну, вот двое полюбили друг друга, а жить вместе не могут. Естественно, рано или поздно такая любовная лодка о быт разобьётся. Сейчас всё-таки есть возможность жить вместе, создавать пары. А тогда этого не было, это я по себе знаю.

Гомофобия, которая царит сейчас в российском обществе, меня просто удручает. Я вырос под статьёй, но без гомофобии. Пусть гомофобии не было, потому что и нас якобы не было, но её всё-таки не было. А сейчас это плохо для тех молодых, которые себя окончательно не могут принять. Тогда же, в советские времена, в основном, встречался с людьми, которые более-менее были в теме.

Я знаю, некоторые люди меня не одобряют за то, что я не считаю нашего вождя кровавым тираном. Но я всегда подчёркиваю, что в нынешней нашей обстановке он мог бы спокойно и статью установить, никто бы и слова не сказал.

Мне и раньше встречались мужчины в плавках, но в этот раз я чувствовал нечто особенное. Сладко засосало под ложечкой. Я понял, что всегда хотел увидеть раздетым именно его и что большая часть моего возбуждения и радости от поездки исходили именно из предположения, что мы пойдём купаться...

*Сергей Хазов-Кассиа
«Другое детство»*

” *Хотя действовала статья за мужеложство, всех подряд по ней не сажали*

Имя: Виктор

Год рождения: 1952

Место рождения: СССР, город Ленинград

В «профсоюз» — так тогда называли среди своих голубую тусовку — я пришёл в 1970-м. Много наших в те времена собиралось в «Каткином садике», на площади Островского, где размещалась плешка — место встреч. Люди были разного возраста, молодые, старые, общались тепло, презрения к пожилым не было. В ходу были женские клички, это меня удивляло, но тех, кто не носил таких кличек, сторонились, общались с ними мало.

Где-то между 1975 и 1980 годом у плешки появился «филиал» под галереей Перинной линии Гостиного двора, там ни дождь, ни снег не были помехой. В сильные холода спускались в метро «Невский проспект», общались на лавочках. Много людей знакомилось в общественных туалетах, в основном — в туалете Московского вокзала.

Мы всегда собирались в ночь с 7 на 8 марта, чтобы открыть весенний сезон: разрезать голубую ленточку перед памятником Екатерине, разбить бутылку шампанского о постамент. И каждый из пятидесяти-ста человек получал по кусочку ленточки на память. Милиция не дремала — фотографировали нас, даже не прячась. Традиция держалась где-то до 1987-го.

Иногда устраивали концерты: кто-то пел, кто-то декламировал — прохожие заслушивались.

Солидарность тогда ещё была. Солидарность подпольщиков. И стучали друг на друга, и бросались на помощь по первому зову.

Проблема «ремонта» — нападений на гомосексуалистов — была всегда. Многие «ремонтники» при определённых условиях могли пойти на сексуальный контакт: известно же, что особенно рьяные гомофобы, как правило, сами латентные гомосексуалисты. Но в большей степени их интересовало на халяву выпить, отнять у кого-нибудь денежку. Тогда это были просто жители рабочих окраин, гопари, сейчас — кем-то организованные группировки «православных» хулиганов.

Я умел выходить из таких ситуаций, общался с ними, знал много баек. В 1970-е годы у нас ребята были очень, так сказать, сплочённые, давали «ремонтникам» настоящий отпор. Как-то раз подошли человек семь, начали задирать, ну мы им и наваяли. У меня в руке была бутылка с пивом, вот её об голову ближайшего и разбил. Они убежали.

Хотя действовала статья за мужеложство, но всех подряд по ней не сажали. Дело в том, что для этого надо было застать человека на месте преступления, потом начинались какие-то идиотские экспертизы. Если второй партнёр категорически отказывался признаваться, то пришить статью было практически невозможно. Но могли сообщить на работу, что такой-то ходит в «Каткин сад» или к Гостинке, и вот тут могли начаться неприятности. Давление было сильное, не каждый мог продолжать работать в том же коллективе, приходилось вынужденно увольняться: слухи, косые взгляды, оскорбления...

И потом, конечно, многих ставили на учёт в 27-е отделение милиции, ближайшее к площади Островского. Если

нужно было человека держать в узде, надавить, заставить сотрудничать с милицией или КГБ, все материалы для этого существовали. И агентурная сеть в итоге была развита хорошо, выбор-то небольшой: или сотрудничай, или сиди.

По 121-й статье, части 1-й, сажали тех, кого хотели посадить. Принцип был простой, что в миру, что позже на зоне: сиди тихо, и тебя не тронут. Не начини я качать права, написав жалобу на исполком, который не давал одну бумажку, я бы, конечно, не сел.

Был я на зоне в отряде «обиженных», но меня спасло то, что прокурор переусердствовал и вклеил мне ещё и 210-ю статью, часть 1-ю: доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения и вовлечение в азартные игры. А она была расплывчатая. Вот ты стоишь в магазине, подходит к тебе пацан лет семнадцати: «Дяденька, купите мне водки». Купил — и готово. Ну, или на интерес сыграл в карты. Я тогда с парнем встречался, ему только восемнадцать исполнилось, расколоть было нетрудно.

Когда пришёл в камеру, я уже был предупреждён и про статью 121-1 молчал. Поэтому надо мной никто особо и не издевался на «обиженке». Сидели там по 121-й статье, ещё за изнасилование, ну и те, кого на зоне опустили. Когда находишься там, главное — ни во что не влезать, тогда никаких особых неприятностей не будет. Не играть на интерес, даже в шахматы, даже на сигаретку. У меня серьезных конфликтов не случалось, но морально, само собой, было тяжело — человеку, который всегда был далёк от криминала, даже блатных песен не знал и не пел, маменькину сынку, интеллигенту и спортсмену. Через три года меня перевели на «химию», потом вышел по амнистии. Жильё, конечно, потерял, хорошо, что мог прописаться в комнату к маме. Тогда ведь как было: не прописан — значит, опять пойдёшь на зону за нару-

шение паспортного режима и тунеядство. Или за сто первый километр. Нас много таких выходило, отсидевших по всяким дурацким статьям. Часть знакомых от меня отвернулась, а часть — поддержала, я смог по блату устроиться на работу, приёмщиком хлеба. Ну, что вспоминать, уже больше пятнадцати лет никого из тех времен не видел. Ещё по инерции в 1993—1995 годах собирались в «Пегасе» на Моховой, заведении с фейсконтролем, чужих там не было. Ну а потом — границы открыты, статья отменена, сообщество распалось. Обижаться, сожалеть незачем. Ни на кого обиды не держу. Всё прошло.

Ноябрь 2012 года

Источник: <http://www.sobaka.ru/oldmagazine/glavnoe/13659>

Я не смог заставить себя отвернуться и исподтишка наблюдал за ним. Он был красив. Широкое скуластое лицо, которое немного портило выражение скучающей тупости, развитая грудь, большие бицепсы, круглые белые ягодицы, выделяющиеся на фоне загорелого тела. Когда он проделывал все эти манипуляции со своим большим, оформившимся, неожиданно тёмным членом, я вдруг потерял контроль над собой и почувствовал, что мой собственный начинает опасно набухать...

*Сергей Хазов-Кассиа
«Другое детство»*

Имя: Сергей

Год рождения: 1978

Место рождения: СССР, город Мурманск

Возможно, я не мог правильно подобрать слова для этого, но я понимал, что мне нравятся парни. Это осознание у меня произошло где-то в 90-м году, мне было 12 лет. Когда началось половое созревание, я понял, что мне нравится мужское тело, именно мужское, не подростковое, а мужское, то есть уже более-менее сформировавшееся. То есть не сверстники, а старшеклассники, например, пятнадцати, может быть, шестнадцати, восемнадцати лет. Мне в школьном душе было интересно увидеть именно сформировавшегося мужчину. То есть, если пацаны, условно говоря, за девчонками подглядывали, то мне это было неинтересно. И в душе я боялся прямо на мужчин смотреть, это было всё искоса, как-то так боковым зрением посматривал. И, конечно, я ещё боялся юношеской гиперсексуальности и что я мог возбудиться в душе от парня, если он мне понравится.

Но о том, что со мной происходит, не было информации. Я стал покупать газету «SPEED-INFO». В тот момент это было, наверное, единственное СМИ в Советском Союзе, которое хоть как-то где-то редко затрагивало эту тему. Пусть как-то двояко и не в каждом номере, но чтобы это понимать, приходилось покупать каждый номер, со своих карманных

денег я её покупал и читал от корки до корки, чтобы поймать там какую-то информацию. Я в свои двенадцать выглядел на шестнадцать, поэтому в книжных киосках редко задавались вопросы, сколько мне лет и зачем я такое покупаю. И была такая советская отмазка всегда, что меня мама попросила или папа попросил, поэтому в то время я помню, что даже иногда сигареты и алкоголь подросток мог купить, придя с запиской, скажем, от папы или от мамы, что кто-то там попросил купить, и ему продавали. А до этого я как бы и не осознавал себя, то есть у меня не было, скажем, какого-то влечения, потому что у меня не наступило ещё созревание, и я даже не задавался вопросами на эту тему и не думал об этом. Мысли были такие чисто детские: футбол, хоккей, снежки, прятки, казаки-разбойники.

О том, что за это существовала 121-я статья, я узнал ближе, наверное, годам к шестнадцати. Где-то к окончанию средней школы, когда уже изучается право. В семнадцать лет я соврал, что мне восемнадцать, и встретился в первый раз с парнем, именно напрямую, и на тот момент я уже понимал, что если мне будет меньше восемнадцати лет, мы не будем встречаться, потому что я боялся, что его привлекут за секс с несовершеннолетним. Здесь вопрос уже не стоял об однополых или разнополых отношениях, а именно о том, что я был несовершеннолетним, что мне не было восемнадцати лет, именно так вопрос стоял. Наверное, о статье за мужеложство, которая была отменена в 93-м году, я тогда знал, но не придавал этому особого значения, потому что я уже понял, что не один такой особенный в этом мире, что нас много. Я, как это сегодня называется, пытался включить гей-радар среди сверстников — выискивал геев или би, но не для того, чтобы сделать камин-аут, а чтобы создать себе круг общения, потому что поговорить было не с кем.

Один раз мой неудачный камин-аут обернулся очень негативным опытом. Однажды всё-таки мой гей-радар сработал, и я вычислил, как минимум, би (потом жизнь показала, что он и есть бисексуал), и я ему открылся — именно для того, чтоб получить общение какое-то, чтоб не быть одному. В итоге он воспользовался ситуацией и рассказал всё нашим общим знакомым — школьным и дворовым друзьям. В итоге, мне пришлось сменить место учёбы в 11-м классе перед последней четвертью, когда уже выпускные экзамены. Я был вынужден полностью менять круг общения, так как там началась травля. Сначала это были издёвки и насмешки, которые потом переросли в физические угрозы. Хотя я учился в очень престижном лицее, проблема была в том состоянии, в котором находилось в 90-е годы российское общество. Россией правил криминал, и жизнь проходила на криминальном жаргоне и понятиях. И это просачивалось в те же самые, скажем, элитные заведения. Я имею в виду элитные не по уровню толщины кошелька, потому что я, например, рос в небогатой семье, под элитой я имею в виду людей со знаниями, с умениями, потому что вся жизнь на этом строилась. Не дашь взятку — не пройдёшь или не отмажешься, например, от армии. Уровень был такой, что нарушить закон в 90-е считалось хорошим поступком. И криминальные понятия, где геи находятся на низшей ступени иерархии, естественно, сказывались в обществе. Ну и телевизор был наполнен всякими криминальными сериалами, криминальные новости собирали, наверное, больше людей у телевизоров, чем концерты или какие-то политические передачи. Ток-шоу не имели даже, наверное, той популярности, что криминальные новости. Страна жила в криминале, и поэтому это всё сказывалось на обществе, а соответственно и на подростках.

Как находил единомышленников? Через объявления в газетах. Была такая колонка «Для тех, кому погорячее», и там все знакомства шли не через телефон, а через абонентские ящики почтовых отделений, и знакомство шло через почтовую переписку. И потом уже в письмах мы менялись телефонами, если они были, конечно. Но свой домашний телефон многие боялись засветить, потому что можно было легко определить адрес, и многое шло в переписке. Бывало, до первой встречи эта переписка длилась, с учётом работы почты России, месяц. Но у меня от этих встреч были только разочарования. Потому что после этих встреч я сделал вывод, что я ущербный и не хочу такой жизни, потому что мне попадались физически или морально просто страшные люди. И я убедил сам себя, что даже если я другой, то буду просто сдерживать себя. Мол, наверно, я бисексуал, так как я вращался в гетеросексуальных компаниях, где, будучи девственником, ты тоже будешь внизу иерархии, и чтобы доказать, что я мужчина, я занимался сексом с девушками. И я начал убеждать себя, что раз секс у меня есть, значит, я не просто гомосексуал, а би, и если у меня будет больше девушек или постоянная женщина, то это всё уйдёт, затрётся и ничего не будет. То есть у меня пошла такая внутренняя гомофобия против самого себя. Я не хотел признавать себя таким, какой я есть.

Какие впечатления о Советском Союзе у меня остались? Я мальчик-то умный всегда был, так как рано повзрослел. Когда мне было десять лет, в один год умер дед и погиб отец. В нашей семье я остался старшим мужчиной, и на меня легла некая ответственность — прибить гвоздь, сделать розетку. Мне просто пришлось повзрослеть, и, возможно, я стал раньше понимать жизнь. Если взять вот эти мои года с 88-го по 91-й, когда я уже увидел и стал осознавать, что такое жизнь, то я не вижу в СССР чего-то такого, ради чего мне хотелось бы туда вернуться. До этого мы отдыхали

на югах, у родителей была северная зарплата. А с 87-го года я стал ездить в пионерские, потом в трудовые лагеря, и мы уже не могли позволить себе выехать семьёй, как выезжали раньше. Вопрос стал упираться в деньги, потому что исчезли кормильцы, всё-таки женский труд оплачивался меньше, чем мужской. Естественно, бюджет сократился, как минимум, в два раза. Потому что пенсия по потере кормильца — это всё равно, даже по советским меркам, не особо огромные деньги. Скажем так, конечно, не 10 копеек, но и не 100 рублей. Ещё все эти годы последние, с 89-го по 91-й, у меня ассоциируются с очередями. Я учился во вторую смену, вставал вместе с мамой и бабушкой утром, они шли на работу, я шёл, занимал очередь в магазин за чем-нибудь. Или привезут что-то там по килограмму в руки, или по талонам. Если я до обеда не успевал это купить, значит, бабушка или тётка, сестра мамы, меняли меня в очереди, и вставали они, а я шёл в школу. Я помню, как я стал расти в двенадцать лет, в 90-м году, у меня пошёл пик роста, я вымахал за два года на четверть метра. Бабушка и мама вешались просто — они не знали, во что меня одеть. Мне покупали на вырост, но через два месяца и эти вещи становились малы. Вопрос даже был не в деньгах — это просто было не купить. Потому что в магазинах ничего не было, невозможно было купить куртку, невозможно было купить пальто, невозможно было купить нормальные ботинки, ничего невозможно было купить. И я помню пальто, которое у меня было нарощено бабушкой на рукавах вязаным продолжением. Я и в таком пальто ходил. Я не представляю сейчас ребёнка в двенадцать лет, которому бы надели какой-нибудь пуховик или пальто, где бабушкой навязаны как от свитера рукава по локоть. Кто такое сегодня наденет? А мы ходили, потому что выхода не было, и я не один был такой. Полстраны, минимум, так жило.

Если долго, до последнего, сидеть под водой, а потом вынырнуть и дышать, дышать, дышать — так, будто дышишь в первый и последний раз — нет времени наслаждаться воздухом, думать, свеж он или нет, пахнет ли лесом или пылью: ничего этого не замечаешь, просто дышишь и радуешься тому, что это можно делать так легко. Так же я наслаждался Андреем: его смуглым горячим телом, по которому я мог бы вечно водить руками, чтобы снова и снова ощущать под пальцами его грудь, бицепсы, сильные плечи. Мне ничего не нужно было от этой ночи, ничего, что произошло позже. Андрей вообще мог бы не двигаться, мне было достаточно просто ласкать его, прижаться к нему, время от времени отстраняться, чтобы посмотреть на него в полутьме комнаты, каждый раз захлёбываясь от восторга, что это не сон или мечта, я — здесь, с ним, и я дышу, дышу, дышу...

*Сергей Хазов-Кассиа
«Другое детство»*

*Я смотрел с балкона вниз и думал:
«Вот если я упаду, то я разобьюсь насмерть?
Или вот эти кусты сирени спасут?»*

”

Имя: Дмитрий

Год рождения: 1972

Место рождения: ГДР, город Потсдам

У меня отец военный. Я родился в ГДР, но вскоре мы вернулись в СССР. С семьёй поездил по всей стране от Чукотки до Белоруссии. А после пятого класса мы осели в Барнауле, Алтайский край. Там родственники и корни моей мамы. Первое моё воспоминание эротического характера было из детского садика. Мне вдруг в голову пришла такая идея, что хорошо было бы, если бы все мальчики в детском саду ходили голенькие. Я не знаю, откуда такая мысль пришла, но меня это возбуждало в каком-то плане. Увлечённо думал на эту тему, фантазировал. Честно говоря, девочки меня просто никогда не интересовали. Где-то в 10 лет мы с другом в укромном месте стали дрочить. Ещё спермы не было, но уже были какие-то приятные ощущения. Тогда я ещё не понимал, что со мной что-то не так. Но когда я видел нечаянно члены или ещё что-то — это меня привлекало. А женские тела совсем оставляли равнодушным. Это четвёртый-пятый класс.

Я был очень замкнутым ребёнком. Особо не общался со сверстниками. Был каким-то даже социопатом. Сторожился всех. У меня был характер, скорее, женственный такой. Я выставлял себя как жертву, поэтому меня грех было

не ударить. Но это ещё связано с тем, что где-то в пятом классе произошёл акт насилия надо мной со стороны взрослого гомосексуала. Такой вот опыт. Это было в аллее, где не было людей, зато было много деревьев. И там меня встретил мужчина, наверно лет 26–28, который попросил достать что-то из кустов. И когда он завёл меня в кусты, то схватил и предложил: «Давай ты у меня соснёшь, и я тебя отпущу». Я испугался, естественно, ведь впервые увидел взрослый эрегированный мужской член. Отсосал, но ему этого было мало, и он меня трахнул в жопу. И это было для меня не то чтобы травмой, а, скорее, опытом. Мне было и страшно, и приятно. Просто интересно. В милицию я не заявлял. Я никому не сказал, потому что он пригрозил мне. А вообще, в советское время в семье говорить о сексуальности какой-то — это был позор и стыд. Я смущался этого всего, так что я даже и не подумал рассказать кому-то, что такое случилось. Это была моя тайна.

Информацию брать было неоткуда. Помню, я ходил в библиотеку, и наткнулся на какую-то книгу, где были иллюстрации классических картин с обнажёнными телами мужчин. Я даже одну иллюстрацию вырезал для себя аккуратно лезвием. А потом, в последних классах школы, уже был период перестройки, уже стала появляться какая-то информация. Начали издаваться книги, дорогие и редкие. И я за три рубля, которые для меня были большими деньгами, купил книгу Игоря Семёновича Кона «Сексуальность». И тут же прочитал её запоем. И я понял, что это есть и в этом ничего страшного. Но я не знал, как найти таких же, как я, людей. Это была моя тайна. Мне очень повезло, что попала такая книга, и я смог её купить.

Ностальгии по Советскому Союзу у меня нет, только по детству. Если честно, я очень сильно обрадовался пе-

рестройке, потому что я обладал каким-то аналитическим умом и видел, что так дальше нельзя. При этом я со всей душой и с радостью поступал в пионерию, со всей открытостью и честностью. Это была честь для меня. Но позже я видел, что эти возвышенные идеалы не соответствуют реальной жизни. На словах одно, а в жизни другое. Это меня убивало. Например, я в своё время решил нарисовать портрет Ленина и не смог. Меня за это жёстко наказали, потому что нельзя было Ленина рисовать людям, которые не профессиональные художники. И я не понимал, за что меня наказывают. То есть вся система во мне воспитывала страх. И это отразилось и на нашей семье. У нас и дома было так принято, что мы обязаны были показывать идеологически верную семью. Ведь отец был офицером. А потом его вдруг посадили, и мы жили в постоянном страхе. Мы стали семьёй зека. Об этом нельзя было никому сказать. Поэтому я и не подумал рассказать о том, что меня изнасиловали, потому что всё несоответствующее нормам должно скрываться. Всё должно быть где-то в подполье. Глубоко-глубоко, чтобы никто об этом не узнал. И когда началась перестройка, я постепенно становился бунтарём, хотя это ломало меня очень. Когда начались первые публикации о том, что Ленин был плохим, это меня очень сильно возмущало. Я говорил: «Всё можно критиковать, но Ленина-то нельзя! Это же святое!». И до сих пор советское воспитание отзывается в моей жизни закрытостью, неразговорчивостью, постоянным страхом.

Конечно, сначала я не знал, где в Барнауле встречаются гомосексуалы. Я не понимал, как мне быть. Я что-то выдумывал, какие-то невероятные истории, чтобы попробовать хоть что-то. И тут же этого стыдился. В общем, ничего у меня не получалось. И только когда поступил на первый курс университета, я влюбился в одного парня, и признался ему

в этом, он был натуралом, но как-то интересно отреагировал на это. Я говорю: «Я тебя люблю», а он: «Ну, здорово, нормально, классно». Он то ли не понимал этого, то ли ещё что-то, но, в общем, у нас секса не получилось. Но там же в университете учились такие, как я, которые уже всё знали, и мне сообщили, что в Октябрьском парке можно познакомиться с кем-то. Или в таких-то общественных туалетах. Я такой: «Да вы что, ну как так?!». И в этот садик я ходил, но панически боялся к кому-либо подходить. Когда ко мне обращались, я убегал практически. Мне было страшно. Ещё было одно место, на скамейках собирались там. До сих пор на Ленинском проспекте говорят, мол, вот там «педовская аллея». То есть там просто люди гуляли, садились на скамейку, кто-то подсаживался и знакомился.

А первый секс у меня был такой. Я ехал в переполненном автобусе, и чувствую, кто-то лезет мне между ног, трогает мой член. Сначала так, будто бы не нарочно, но он у меня встал. Я смотрю на этого человека, он старше меня гораздо, и он мне не очень нравится, но думаю: «Что это такое?». И я вышел, смотрю, а он за мной следом вышел и начал со мной разговаривать, я ему какую-то чушь плёл. Короче, мы с ним у него дома встретились, и это был первый раз. Первый раз какие-то сексуальные отношения, минет. Мне было стыдно признаться, что это впервые у меня. Потом мы ещё несколько раз встречались с этим человеком. Он жил недалеко от меня.

Я знал, что есть 121-я статья за мужеложство. И меня это пугало, как, впрочем, и всё связанное с этим. Но я понимал, что есть законы и правила, которые постоянно нарушаются. Я думал, что это меня не коснётся, все нарушают, и я буду нарушать потихоньку: воровать, где плохо лежит, нарушать 121-ю статью. Я не думал об этом, хотя я знал, что у нас есть

такая статья. Это для меня было как-то далеко. Я думал, что никто же не узнает, что я буду чем-то заниматься. В принципе, было тяжёлое время, меня тогда посещали мысль о том, что я никого не найду, я не такой как все... Суицидальные мысли тоже посещали. Мы жили на пятом этаже, я всё смотрел с балкона вниз и думал: «Вот если я упаду, то я разобьюсь насмерть? Или вот эти кусты сирени спасут?». Я понимал, что я не такой, как все, что я лишний в этом мире, не вхожу в эту систему совершенно, что меня даже мама стыдится.

В начале 90-х я с кем-то списался по почте, меня пригласили в Казань, типа, поебаться, и я всё бросил, попросил у мамы денег под каким-то предлогом, обманул её и уехал туда, пока были каникулы в университете. А обратно я опоздал на учёбу. Мама всполошилась, начала узнавать, что, как и почему. И пошла в университет, где более продвинутые гомосексуалы ей прямо сказали: «Дык, он поехал ебаться, типа, в Казань, он у вас педик». Устроили мне такой камин-аут, о котором узнали все в универе. А это был педагогический университет. И я приезжаю, мама меня встречает со словами: «Я всё знаю». У меня страх, полный ступор и шок. И она говорит, мол, пойдём лечиться, пойдём сдаваться к врачам. Привела меня к врачу-психологу. Он на меня посмотрел и говорит: «Ну что, тебе когда-нибудь девушки-то нравились?». А я в школе сидел с одной девочкой, которую как друга воспринимал. Я говорю, вот такая-то нравилась, мы с ней вместе сидели. И врач поставил мне диагноз: лжегомосексуализм или псевдогомосексуализм. Что-то в таком духе. Дали мне направление, и я попал в стационар. Проходил амбулаторное лечение, должен был приходиться каждый день и разговаривать с психотерапевтом, мне выписали антидепрессанты. Я просто в шоковом состоянии был.

Психотерапевт провела со мной тесты и сказала, что у меня психика шестилетней девочки. Вот такой я зашуганный был. Но психотерапевт оказалась очень прогрессивной. Сказала, что, в принципе, быть гомосексуалистом (а тогда только так говорили) — это не патология, но необходимо поработать над другим и, может быть, задуматься о том, чтобы сделать операцию по изменению пола. И ещё сказала, что мы можем над этим поработать. И у меня отлегло от сердца. Я рассказал о предложении маме, и она повела себя очень мудро. Я до сих пор благодарен ей за это. Она сказала: «Знаешь сынок, лучше быть самым плохим мужчиной, чем самой хорошей женщиной в нашей жизни». И после этого она поговорила с этим психотерапевтом, и та перестала давить на меня. Мать приняла такую позицию, что переберется, потом всё будет нормально — такая защитная позиция, и сестра тоже так приняла меня, и, в конце концов, меня попустило.

Кстати, в университете меня никто не стал гнобить. Тогда уже случился маятниковый скачок в сторону вседозволенности. И все приветствовали, мол, о, ты не такой, классно, клёво, вау! Я даже популярностью там стал пользоваться. «О, Дима, ты гомосексуалист, вау, интересно!». А вот декан меня просто отчислила, хотя учился я хорошо. Но декан меня вызвала и говорит: «Давай-ка, ты уйдёшь отсюда». И я, в принципе, не смог как-то ничего ей противопоставить. Сказал, что давайте. Через год я восстановился, доучился, сдал госэкзамены. Но когда мне это всё проставляли, мне декан сказала: «Только, пожалуйста, дай честное слово, что ты не пойдёшь работать в школу». Вот так. Я говорю: «Да я сам не хочу идти работать в школу». Хотя потом не сдержал это слово, потому что пришлось отработать всё-таки четыре года. Правда, не в средней школе, а в вечерней. Это было уже в Екатеринбурге, куда я переехал, чтоб никто про меня ничего не знал. Город пришлось поменять, но и там мне несладко жилось.

Был один шокирующий случай. В Барнауле есть пляж, куда мы пришли с друзьями. Причём, они такие качки, в армии служили, чуть ли не в спецназе. И я не знаю, почему, но двое парней подошли ко мне и стали унижать, говорить: «Да ты пидорас, и я знаю, что ты хочешь отсосать у меня, давай отсоси, и мы от тебя отстанем». Начали швырять в меня бутылки, пинать. А мои друзья сделали вид, что как будто не со мной пришли. И это меня так поразило. Вот это был самый яркий гомофобный случай. Всё-таки советское общество, советское воспитание — оно у всех окружающих было, сопровождало меня, почему я и захотел уйти к Богу от этого всего. Потому что жить гомосексуалом, даже в постсоветский период — это очень жёстко было.

В конце концов, я ушёл в протестантскую церковь, всё это оставил, покаялся, и двадцать лет, пребывая в церкви в должности пастора, всё отрицал, думал, что это грех. Я понял для себя, что Господь даст мне нечто другое, нечто лучшее, если я не буду этим заниматься и думать об этом даже, что он может меня изменить. Но прошло двадцать лет, а ещё больше хочется, и уже старость надвигается. Так что буквально год назад я ушёл с пасторства. Но я ещё при пасторстве стал прозревать и стал работать с ЛГБТ-сообществом. Сначала у меня была идея привнести Бога в ЛГБТ-сообщество, проповедовать. А потом я вдруг понял, что это они привнесли Бога в меня, настоящего-будущего.

Я шёл домой с осознанием того, что я теперь другой. Это случилось. Я раньше не понимал, что мне нужно, чтобы стать окончательно взрослым, но было необходимо именно это. Дома, деревья, трамваи, машины, снег под ногами, тучи над головой, пешеходы — всё казалось прежним, но я как будто снял тёмные очки, и привычные вещи стали видеться по-новому. Особенно прохожие. Они ни о чём не догадывались и просто спешили по своим делам, не обращая на меня внимания, но я-то знал, что теперь я перешёл в другой ряд, встал на одну с ними ступеньку. Я улыбался сам себе от огромного всеобъемлющего счастья, которое теперь будет длиться вечно, потому что иначе нельзя. Ведь счастье это не зависело от будущего, оно было принесено произошедшим, а значит, у меня его не отнимешь...

*Сергей Хазов-Кассиа
«Другое детство»*

*Тушили об меня бычки, плевали и били,
и был момент, когда даже ссали на меня*

”

Имя: Саша

Год рождения: 1981

Место рождения: СССР, город Североморск

Сколько я себя помню, наверное, лет с пяти, никогда не чувствовал себя девочкой. В детстве это было интересно. Потому что моей основной задачей было хорошо кушать кашу и слушаться родителей. Чем человек старше, тем больше он обрастает какими-то стереотипами. Я понимал, что у меня женское имя и мама меня наряжает в платья, но я думал, что, может быть, так надо. Наверное, так надо. У нас в детском саду были и девочки, и мальчики с именами Женя и Саша, с такими нейтральными именами, и мне казалось, что, наверное, некоторые родители могут наряжать мальчиков вот так. Так это я объяснял сам себе, для того чтобы мне было понятнее. Потом, становясь старше, я узнал, что мальчики и девочки отличаются ещё и анатомически. Меня это повергло в шок и, может быть, какая-то психологическая защита сработала, что я стал думать: «Наверное, бывают такие мальчики, у которых не как у всех, допустим, органы какие-то». Потом я становился взрослее, информации стало больше, и я стал уже мешкать и думать: «Неужели я девочка?». Меня это не очень удивляло, я просто не мог найти ответ и старался об этом не думать. Потом я стал понимать, что это постыдно, что это надо прятать и этого нужно

стыдиться, потому что родители на мои какие-то высказывания, что я мальчик, отвечали: «Ты девочка, ты что, кто тебе это сказал?». Ещё из детства помню пару историй, типа, я как-то прятался за дверь, мы играли в прятки, я бегал среди взрослых, прятался, а дядя меня находил. И вот он меня нашёл и назвал моё имя (паспортное имя), а я говорю: «Нет, меня зовут Лёша!». И стал его переубеждать, мне казалось, что я его смогу переубедить. Ещё я помню в то время, когда мне говорили: «Ну что же ты так себя ведёшь? Ты же девочка!» — я постоянно доказывал обратное, твердя: «Я мальчик!». Мама думала, что я перерасту это, папа был тихим и немногословным, поэтому я не знаю, что он думал в ту пору. Родители старались покупать игрушки, куклы, но они мне были не нужны. Ходя с ними по магазинам, если я видел нормальную машинку или пистолет классный, то просил именно эти игрушки. И они скрепя сердце их покупали, потому что видели, что с другими я не играю, или старались покупать какие-то нейтральные игрушки, допустим, конструктор.

В те времена мне не у кого было спросить, некому было рассказать. У меня были мысли, что со мной происходит что-то не то, я понимал, что это что-то ужасное, постыдное, и родители говорили: «Ты что, никому не говори, забудь!». Я видел их реакцию, они очень пугались и говорили: «Ты что? Кто тебя надоумил?». Они очень боязненно и агрессивно реагировали. И я стал понимать, что эти вопросы, они очень постыдные, и их не надо задавать. И я понимал, что со мной происходит что-то очень плохое. И поэтому я старался, уже становясь старше, таких вопросов родителям не задавать. Старался об этом меньше думать. Но проблем становилось больше, больше было вопросов, на которые я не мог дать ответ. Когда я общался с детьми, я не видел таких же, как я, и было ещё сложнее, потому что если бы кто-то был, мож-

но было бы с ним поделиться, но спросить было не у кого. И я стал в себе это прятать и перестал общаться вообще с ребятами.

В советской школе нужно было носить форму, в которой мне было очень некомфортно, очень стрёмно, это не передать словами... Я был октябрёнком, но совсем не общался со сверстниками, с одноклассниками. Если в период детского сада я мог играть, ведь когда забываешься, берёшь там танчик и как-то не думаешь, в чём ты, или в ту же войнушку ты играешь, прятки какие-то, а тут школа, так всё серьезно, и это очень было напряжённо. Я старался не задавать себе вопросов, потому что не мог себе это объяснить и старался не общаться с ребятами. Потом был период, когда я стал к этому привыкать, к тому, что я ни с кем не общаюсь. У меня были увлечения, я рисовал, пытался рисовать комиксы, и я привык с этим жить. Ещё мне очень нравился отпуск у бабушки, потому что не надо было носить форму, у меня были нормальные шорты, и я мог в них отлично играть. Потом мы переехали из одного района города в другой, и было классно. На новой улице меня ещё никто не знал, и я, выходя во двор, знакомился с ребятами и представлялся именем Саша. Это был рай для меня. И я заврался ужасно. Потом, правда, настало время идти в новую школу, где были все эти ребята. Я помню, первого сентября я сидел и молился, чтобы либо школа взорвалась, либо чтобы я умер, потому что я даже не представлял себе, что же будет. Это была осень 89-го. Но как-то всё обошлось, я попал в класс, где не было никого, с кем я тогда на улице познакомился. Я не подходил к ним сам, не здоровался, и всё прошло нормально. Я к тому времени уже тоже старался с ними не общаться, не контактировал, потому что было стыдно очень. Опыт жить в ракушке, ни с кем не общаясь, у меня уже был, я опять туда нырнул и жил себе жил.

Единственной отрадой было лето у бабушки, когда я мог ходить не в форме. Когда у меня появились вши, это был великолепный период, потому что родители меня подстригли, и я себя чувствовал отлично. Потом был период, когда я понял, что у меня начинает расти грудь, — и всё!.. Это был просто конец жизни моей, потому что я уже не мог общаться и в школе, так как был закрыт, и с деревенскими ребятами, потому что возраст наступил такой, что мальчики и девочки друг от друга отделялись, разные интересы и т. д. Я уже не мог с ними плескаться в речке в одних трусах. И меня уже не принимали, везде я был не интересен и не нужен. И сам я не хотел с таким дефектом общаться с ребятами, мне было очень стрёмно, не по себе. И дальше, когда формируется тело, приходят «эти дни». Когда наступила эта пора, это был полный провал. Тогда у меня был период очень закрытой жизни. Мне не хотелось ни с кем общаться. Конфликты начались с родителями, потому что я стал огрызаться, я стал очень закрытый, и в учёбе я скатился. Стал очень часто пропускать занятия. В это же время начались конфликты и со школьными ребятами, ну, в каждом классе был такой человек — «лошок». Сначала это были какие-то смешки, издёвки в классе. Дальше — больше.

Потом произошёл такой случай: все курили в туалетах, я ещё тогда не курил, меня этому никто не учил, хотя мне хотелось. Девочки курили в туалете, я зашёл туда, потому что в коридоре невыносимо, там и пацаны задирали, и девчонки задирали. Я уходил в туалет, лучше уж там постоять, и тогда я познакомился с девчонкой, как-то разговор завязался, она спросила моё имя, и я ответил. Я не знаю зачем, но она с подругами стала со мной дружить, стали налаживать со мной контакт. На другой перемене они уже позвали меня с собой, потом они спросили, где я живу, и пошло-поехало...

Для меня это было дико. Сначала я был настроен агрессивно, мне казалось, они что-то замышляют, потом, когда я понял, что они ничего не замышляют, мне стало удивительно, зачем они со мной общаются? Это было непонятно, и было как-то стыдно, потому что, наверное, они не знают, какой я «лошпед», и потому со мной общаются, а если узнают, наверное, им это не понравится, и они перестанут общаться. Я не понимал, с какой целью они это делают, но мы стали и после школы, и по вечерам встречаться. Эта девочка стала меня звать гулять с собакой. Прошло какое-то время, мне показалось, что я влюбился в неё, в эту девочку. Может быть из-за того, что она обратила на меня внимание. И как-то она сидела с подружкой и задавала такие вопросы, типа: «А мне нравится Вася, Петя, а кто тебе нравится?». Я отвечал: «Мне никто не нравится». А она: «Ты одеваешься как пацан, давай мы тебе девочку найдём?». И тогда я сказал всё же, что она мне нравится. Я испугался очень, но сказал. На следующий день я пришёл в школу, а она рассказала об этом случае всей своей компании. Это слышали все: и девчонки, и пацаны, в том числе, которые меня задирали. Довольно большая компания была. И начался следующий круг ада: меня уже стали бить, пиздили так не по-детски, то есть уже не просто оплеуху дадут или пинка — уже затаскивали после школы на трубы... Тушили об меня бычки, плевали и били, и был момент, когда даже ссали на меня. Школа была неблагополучная, возле неё очень часто стояли ментовские бобики, постоянно к школьникам из детской комнаты милиции приезжали. На этажах сидели люди, которые давно уже окончили школу, курили, играли на гитаре. Это был полный трэш. И меня затаскивали за трубы около школы, там публика собиралась разнокалиберная — и дети малолетние, которые курили, и дылды бородатые. И просто для веселья, для забавы они могли меня

поколотить, попинать. Придумывали какие-то наезды, типа: «Деньги есть? Нет? Завтра чтоб принёс!». Первый раз я как раз услышал от этой толпы, что у гомиков есть какие-то отличительные признаки. Меня пиздили, пиздили, и в какой-то момент один пацанёнок говорит: «Проколи себе ухо и будешь как пидор, блядь, сразу же». И я ушёл. Тогда уже были панки, металлисты и существовало такое мнение, что левое ухо прокалывают нормальные пацаны, неформалы, а правое — пидоры. Они называли меня в женском роде. Называли меня «Пидор Машка».

Я часто очень пропускал школу, я боялся туда ходить, ведь там меня били. И я не мог пожаловаться родителям, так как наступили переломные времена, Советский Союз развалился, и родители начали выпивать. А батя был художник. Были такие моменты, когда то густо, то пусто, они хватали какие-то заказы... Когда было много денег, родители устраивали небывалые попойки, батя приглашал народ, и тогда они, видимо, пристрастились. Помню, что это было очень часто, и запои у них случались. Так получалось, что и дома мне не пожаловаться было, все бухие. От родителей мне тоже могло перепасть за успеваемость в школе. Не скем было поделиться. Я остался сам с собой. Это было очень сложно. Какой-то период я не посещал школу, это была весна, я помню очень хорошо. Мама пошла бухать к какой-то подруге, я пошёл с ней. Эта женщина говорит: «Ну что же ты, бедолага, совсем не как девочка, давай мы тебе хотя бы ушки проколем, юбочку надень и туда-сюда...». Я слушал её и в какой-то момент говорю: «Тётя Марина, а вы можете мне одно ухо проколоть?». Я не знаю, зачем я это сказал, если честно. Я попросил её проколоть мне правое ухо. У меня злоба какая-то накопилась, не могу сказать, что я их не боялся, я их очень боялся, но мне уже было похуй. Думал, хуже уже не будет. И она мне прокалывает правое ухо, засовывает серёж-

ку. Проходит несколько дней, я понимаю, что мне надо идти в школу. Мне было страшно. Я очень не хотел идти, с утра пропустил несколько уроков, и мне казалось, что в этот день мне пизда, меня убьют, забьют насмерть. И хоть я и боялся, но не снимал серьгу. Я написал маме и папе прощальную записку, оставил её на столе в своей комнате и пошёл, но не в школу, а сразу на трубы, где все собирались. Там сидела компашка, они стали быковать, почему я вообще пошел туда прийти, как обычно пуляли в меня бычки, и всё прочее. Среди них был один чувак — Конь. Было три брата: Конь, Крыс и Псих. Они сидели на трубах, а я стоял на земле, кто-то меня толкал, кто-то пинал, кто в ухо бил. В общем, началось моё выступление, я стал беситься, кричать, что я такой, какой есть, хотите — убивайте, я не знаю, что мне делать, другим я не буду. Ну и как-то так... Я поорал, поистерил, и этот Конь, он мне тогда сказал идти к нему, а все ему стали говорить: «Эй, Конь, да ты чего? Не трогай руками эту хуйню!». Он сказал, чтобы я залезал на трубы. Я залез, думал, что он мне ёбнет, однако, он ничего мне не сделал. Пригласил сесть рядом с ним. Мы сидели на этих трубах, он стал задавать мне вопросы: почему я так одеваюсь, почему я так хожу, что за слухи обо мне ходят? Я всё рассказал как есть, он всё выслушал, дал мне сигарету, я ещё тогда не курил. И тогда он всем сказал, что если меня ещё раз тронут, всем пизда. Сказал мне, что если тебя кто-то тронет, скажи мне, я за тебя порву всех. И всё... Я ещё посидел, я вообще ничего не соображал, всё было как в тумане, видимо, накопился этот стресс. Я ожидал совсем другого. Всё было в дымке. Я ушёл в школу, прошёл день. Потом я приходил в школу, а эти ребята старшие, они уже стали со мной здороваться, спрашивать, как дела, никто ли меня не обижает? Предлагали мне сигареты. И спустя некоторое время я понял, что меня больше никто не будет пиздить, никто не будет

трогать. Как-то я отстаю своё право жить среди них. И всё это закончилось, и стало легче.

Информации не было никакой. Я знал, что есть люди, которые меняют пол. Мне кажется, у бабушки была медицинская энциклопедия, и в ней я наткнулся на такую штуку, как транссексуализм, и читал об этом. В себе я это отрицал. В тот период, школьный, я пытался отогнать от себя эти мысли. Пытался из себя это выдать, потому что понимал: то, что со мной происходит — это плохо и отвратительно, и быть этого не должно. Я пытался быть девочкой-девочкой. Пытался себе это объяснить, говорил себе: если у меня такое имя, если у меня такие гениталии, значит я — баба. И всё, надо так жить. Я пытался вжиться в это всё. Я думал, что надо подождать, и я привыкну. Но это очень плохо получалось, конечно, я был больше похож на трансвестита какого-то. Но я пытался. Поэтому когда я видел информацию какую-то в газетах или по телику, я к этим людям относился агрессивно. Может, уже барьер стоял на эту тему. Я думал, что вот сидит человек, у которого много денег и много свободного времени, и думает: «Чего бы мне сделать? Не поменять ли мне пол?». Пошёл и давай менять, и это происходит не здесь, а где-то за границей, очень далеко, и я как-то очень недоверчиво к этому относился. Я знал, что такие люди есть, что такие операции делаются, но к себе я это не относил. Я пытался отстраниться, думал, что это опасно, это проблема, плохо и больно. Я считал, что буду девочкой, и это менее опасно, и ну его на хуй. Я поставил себе чёткую установку, что если ты не такой, как основная масса, то это очень опасно и это заканчивается очень плохо и печально. И нужно всеми способами быть таким, как основная масса.

Я знал, что есть статья за гомосексуальность, но к ней у меня было какое-то двойное отношение. Я понимал, что

этот человек такой же, как я. Он страдает за какие-то вещи. Он отличается от большинства и за это страдает. Но в прессе это подавалась так, будто он просто страдает хуйнёй. И я был ужасно против таких людей. У меня срабатывала такая штука: я таким родился, и ничего с этим не могу сделать, я страдаю, а ты, сука, родился нормальным, хорошим человеком и просто выёбываешься, у тебя много свободного времени и денег, и тебе за это ничего нет. И я, конечно, был за то, чтобы его посадили. Вся картина исказилась. Я не мог себе представить, что это такие же люди, как я, потому что преподносилось это всегда неправильно. Если про человека пишут в газете, значит он уже какой-то известный и непростой человек.

Поскольку я был закрыт, не общался, у меня не было ни знакомых, ни друзей, с которыми я мог бы просто о чём-нибудь поговорить, не говоря уже о таких темах. Я видел, что после распада СССР появляется всё больше и больше информации, статьи о каких-то людях, о гомосексуалах. Появился Боря Моисеев. Мир менялся, и люди как-то спокойней стали относиться. Однако у меня к публичным людям была огромная претензия. Казалось, что они не хапнули того, что хапнул я. Вот он стоит и поёт, ему ничего за это не делают, а меня пиздят. Я был и трансфоб, и гомофоб, и всё вместе. Внутренняя трансфобия была ужаснейшая, из-за неё я ни с кем не общался. Я был избирателен в людях.

В тот период я рассуждал чисто логически: если у меня такое имя, такое тело, значит, я женщина, если я женщина и мне нравятся женщины, значит, я лесбиянка. И я это в себе принял. Я был очень отсталым человеком. Ведь уже в то время некоторые люди знали, что есть трансгендеры, геи или лесбиянки, они даже собирались вместе, у них были свои компании, но у меня не было такого опыта. Потому что

я ни с кем не общался, для меня это всё в диковинку было. Я в этом деле был очень отсталый транс, потому что я думал, что я лесбуха. Я стал сомневаться в том, что я лесбиянка, уже позже, когда стал разговаривать с этими девочками, и они рассказывали, что без проблем могли со своим партнёром мыться в душе, например. Я не понимал, как вообще можно своё уродство кому-то показывать? Все они нормально относились к своему телу. Я думал, что они извращенцы. Как можно на себя смотреть голым и нормально относиться к таким дефектам тела, как грудь? И я начал понимать, что тут не в них дело, а во мне. Эти люди принимали себя, они понимали, что они — женщины, и я видел, что я опять где-то в стороне остаюсь. Это совершенно другие люди, я чувствовал себя каким-то инопланетянином, который ни там, ни здесь, вообще не пришей рукав... Я был очень закрытым. Я эту тему не поднимал, давил её в себе очень сильно. И я её додавил до такого состояния, что выплыл только относительно недавно. Я ходил по всяким психологам, пытаюсь убрать чувство того, что я не женщина. Я говорил: «Я знаю, что я мужчина, как мне убрать это чувство?». Были психологи разные, одни мне давали советы открыть паспорт, посмотреть в зеркало, ещё всякий бред, типа, надеть юбку... Последним психологом, который расчухал всё это, была Валя Лихошва из РИГ «Максимум». Это был конец сентября 2016 года. До этого момента я в себе всё это давил. А когда мы поговорили с Валею, она сказала, что надо убирать не то, что я пытался всё это время убрать, а совсем противоположное. Я думал, что можно прожить и так, по принципу: родился, потерпел и умер. И очень долго мы работали над тем, чтобы я понял, что можно сделать переход и не париться больше. Сейчас мама очень переживает, плачет и говорит, что надо было раньше всем этим заниматься.

Я не могу как-то однозначно сказать, что в Советском Союзе было плохо, а вот сейчас хорошо. Детство — это всегда что-то беззаботное и пиздатое. И мне тоже раньше было лучше, но потому что я был маленьким. Я понимаю, что сейчас времена лучше, потому что у меня больше информации, я могу больше сделать. Если бы я был старше в то время, я не знаю, что было бы. Если бы я попытался делать переход в Советском Союзе, вряд ли бы у меня что-то получилось. Классно было лишь в начале 90-х, потому что это был такой взрыв, и все поняли, что можно делать всё, что ты захочешь.

Александр «Боб» Борисов

ПРАВООЕ УХО

Монологи людей, родившихся в СССР

Тираж 4 экз.

Издательство «Самиздат Пиздат» («САМ.ПИЗ»), 2018

samizdat.pizdat@gmail.com

Связь с автором: toskaska@gmail.com

Фото Анны Диденко

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года

Статья 121. Мужеложство

Половое сношение мужчины с мужчиной (мужеложство) наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

Мужеложство, совершенное с применением физического насилия, угроз, или в отношении несовершеннолетнего, либо с использованием зависимого положения потерпевшего, наказывается лишением свободы на срок до восьми лет.